

Г. Лансеро

Высшая школа социальных
исследований (Париж),
Европейский университетский
институт (Флоренция)

ИЗГНАННИКИ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ: НАПИСАНИЕ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ И ИМПЕРИИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ФРАНЦИИ

Автор статьи обращается к истории жизни и творчества ряда французских республиканцев (Жюль Барни, Жан-Клода Колфаврю, Огюста Дида, Эдгара Кинэ) в 50-е – 60-е годы XIX века, чтобы рассмотреть их опыт политической эмиграции в годы Второй империи во Франции (1852-1870). Эти активные деятели и интеллектуалы, желая найти причины политической эволюции, которая дважды привела к поражению Республики, обратились к истории Французской революции и наполеоновской эпохи. Живя на положении изгоев в Бельгии, Англии, Италии и Швейцарии, часто в исключительно тяжёлых условиях, они создавали философские и исторические описания прошлого и публиковали яростные памфлеты против Второй империи. Вместе с тем их отъезд или изгнание из Франции позволили им войти в соприкосновение со множеством либералов, республиканцев и социалистов, подобно им ведших подрывную деятельность и подобно им желавших понимать прошлое и настоящее с целью свержения авторитарной власти – во Франции, Италии, Польше или России. Автор статьи, изучая конкретные обстоятельства их повседневной жизни, а также цели их критических текстов и каналы их распространения, проливает свет на историю транснациональных сетей активистов в 50-е – 60-е годы XIX в. Если посмотреть шире, автор утверждает, что изучаемые им люди, несмотря на асимметричность и извилистость их жизненных путей, внесли вклад в создание среды единомышленников и предопределили те культурные и политические позиции, которые в последующие десятилетия занимали республиканцы и интернационалисты, политические деятели и мыслители.

Ключевые слова: ссылка, Вторая империя, историография, Французская революция, республиканизм, интернационализм

Цитирование: Лансеро Г. Изгнанники Второй империи: написание истории Революции и империи за пределами Франции. DOI

10.32608/0235-4349-2022-1-55-148-165 // Французский ежегодник 2022: Французы за пределами Франции. Т. 55. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 148-165.

Поступила в редакцию: 16.03.2022

Принята к печати: 14.06.2022

Guillaume Lancereau

School of Advanced Studies

in the Social Sciences (Paris)

European University Institute (Florence)

**THE EXILES OF THE SECOND EMPIRE:
WRITE THE HISTORY OF THE REVOLUTION AND
THE EMPIRE OUTSIDE FRANCE**

This article draws on the case of a series of republican figures (Jules Barni, Jean-Claude Colfavru, Auguste Dide, and Edgar Quinet) from the years 1850-1860 to reveal their experiences of political exile under the French Second Empire (1852-1870). Anxious to account for the political developments that had led, twice, to the defeat of the Republic, these activists and intellectuals turned to the history of the French Revolution and Napoleonic era to account for the failure of the 1848 Republic and the victory of Louis-Napoléon Bonaparte on December 2, 1851. They devised philosophical and historical accounts of the past and fiery pamphlets against the Second Empire while living as outcasts in Belgium, England, Italy, and Switzerland, sometimes under exceptionally difficult conditions. Meanwhile, their departure or banishment from France brought them into contact with a galaxy of liberal, republican, and socialist opponents who shared a subversive culture and a desire to understand both the past and the present to overthrow authoritarianism, whether in France, Italy, Poland, or Russia. By studying the concrete conditions of their everyday life and their critical writings' aims and channels of diffusion, this article sheds light on the transnational activist networks of the 1850s and 1860s. More broadly, it argues that the actors' trajectories, albeit asymmetrical and irregular, contributed to forging a milieu of mutual emulation and determined the cultural and political attitudes of the following decades within the ranks of republican and internationalist activists and thinkers. Keywords: Exile, Second Empire, History-Writing, French Revolution, Republicanism, Internationalism

Citation: Lancereau, G., (2022), *Izgnanniki Vtoroi imperii: napisanie istorii Revoliutsii i imperii za predelami Frantsii* [The Exiles of the Second Empire: Write the History of the Revolution and the Empire Outside France]. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-148-165. *Annual of French Studies* 2022, vol. 55, p. 148-165.

«Я часто испытывал чувство беспокойства на перекрёстках. В такие минуты мне кажется, что в этом месте или почти в этом – там, в двух шагах, на дороге, по которой я не пошёл и от которой уже удаляюсь, да, именно там, открывается страна высшего порядка, где я мог бы жить, но отныне для меня утраченная»¹. Этими словами открывается «Внутренняя страна» («L'Arrière-pays») Ива Бонфуа, поэтическое размышление о других местах, о загадках места и о проявлениях счастья, связанных со странствиями – множество элементов, которые не могут не напомнить «топофилию»², любимое понятие Гастона Башляра. Но это размышления, свойственные тому, кто путешествует в своё удовольствие и чувствует себя слегка потерянным за границей; отъезд с родины может быть печальной необходимостью, страданием, изгнанием. От античного остракизма до современных миграций хорошо документированы такие феномены, как изгнание на чужбину, вынужденная эмиграция, насильственное перемещение. В новой французской истории одним из наиболее отмеченных изгнаниями периодов, после революционной эпохи конца XVIII в., стало время Второй империи (1852–1870).

Переворот Луи-Наполеона Бонапарта (2 декабря 1851 года) вызвал сопротивление, которое было неравномерно распределено по территории страны, но достаточно обеспокоило власти, чтобы они составили список оппозиционеров, подлежащих изгнанию из Франции. Хотя парижские волнения оказались скромны по своему размаху³, сразу же после переворота, согласно подсчётам, около 26 тыс. человек были изгнаны из Франции или помещены под надзор – либо декретами от 9 января 1852 г., содержащими проскрипционный список из более чем 80 бывших представителей народа, либо по решению смешанных комиссий, которым поручалось выносить решения о судьбе людей, считавшихся «опас-

¹ *Bonnefoy Y.* L'Arrière-pays. P., 2003. P. 9.

² *Bachelard G.* La poétique de l'espace. P., 1957. P. 49.

³ *Houte A.-D.* « Tu ne bouges pas, vieux Jacques ». Comprendre l'échec des résistances parisiennes au coup d'État de 1851 // Paris, l'insurrection capitale. Seyssel, 2015. P. 213-226.

ными» или «вредными». На протяжении следующих десятилетий власти Второй империи продолжали высылать своих оппонентов за пределы страны, а то и депортировать их в Гвиану и Алжир, в частности по закону об общей безопасности, последовавшему за покушением Орсини в 1858 г. Меры, принятые против оппозиции, были разными по срокам, от домашнего ареста на несколько недель до изгнания на несколько лет, а некоторые из жертв проскрипций остались за границей даже после имперского указа об амнистии от 16 августа 1859 г.

Но отъезд из Франции не всегда был принудительным. Кроме тех, кого выслали власти, имелись и «добровольные» изгнанники, покинувшие страну по собственной воле: одни боялись оставаться во Франции, другие в силу моральных и политических убеждений предпочитали сопротивление из-за границы или, по меньшей мере, не готовы были идти на компромиссы с новым режимом. В их рядах насчитывалось немало писателей, профессоров, активистов, которые продолжали свою деятельность в других краях, в традиционных европейских прибежищах для изгнанников – в Брюсселе, Женеве и, в первую очередь, в Великобритании. Эти «заграничные французы» создавали там землячества, позволявшие им чувствовать себя среди своих и оказывать друг другу помощь, но вместе с тем участвовали и в жизни других эмигрантов. Итальянцы, боровшиеся за национальное единство, поляки, испытывавшие давление царизма – Европа была переполнена перемещавшимися туда-сюда активистами; обилие трансграничных перемещений позволяет говорить о XIX в. как о самом настоящем «столетии изгнанников»⁴.

Эти годы вынужденной или сознательной эмиграции стали совместным опытом для значительной части новой политической и интеллектуальной элиты, пришедшей к власти в республиканской Франции в 1870-е – 1880-е годы⁵. Посвящённая им литература часто упускала из виду, что тесные связи, объединявшие этих респу-

⁴ *Aprile S.* Le siècle des exilés : bannis et proscrits de 1789 à la Commune. P., 2010. См. также, например: *Haupt G.* Rôle de l'exil dans la diffusion de l'image de l'intelligentsia révolutionnaire // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1978. № 19. P. 235-249; *Exiles from European Revolutions: Refugees in Mid-Victorian England.* N.-Y., 2003; *Isabella M.* Risorgimento in Exile: Italian Émigrés and the Liberal International in the Post-Napoleonic Era. Oxford, 2009; *Banished: Traveling the Roads of Exile in Nineteenth-Century Europe.* Berlin, 2022.

⁵ *Nord P.* The Republican Moment: Struggles for Democracy in Nineteenth-Century France. Cambridge (Mass.), 1995; *Hazareesingh S.* From Subject to Citizen: The Second Empire and the Emergence of Modern French Democracy. Princeton, 1998.

бликанцев, сложились в первую очередь по ту сторону границы, в изгнании и в подполье. Настоящая статья рассматривает этот вопрос на примере публицистов, активистов и литераторов, выступавших против Империи с республиканских позиций. Все они в разной степени пострадали от репрессий и естественным образом обратились к истории 1789 и 1799 гг., чтобы попытаться понять, почему потерпела поражение революция 1848 г., точку в которой поставило 2 декабря 1851 г.

Хотя самым знаменитым историком-республиканцем, находившимся в изгнании в годы Второй империи, безусловно, остаётся Эдгар Кинэ (1803–1875), были и другие, менее известные персонажи, которые тоже заслуживают внимания. Это, в частности, относится к Жюлю Барни (1818–1878), который зарекомендовал себя как один из интеллектуальных отцов Третьей республики, попытавшийся найти точки соприкосновения у философии Канта и Виктора Кузена с принципами 1789 года. Кроме него, в центре нашего исследования находятся двое основателей журнала *La Révolution française*: Жан-Клод Колфаврю (1820–1891) и Огюст Дид (1839–1918). Этот исторический журнал, выпуск которого начался в 1881 г., ставил себе целью подготовить умы к празднованию столетия 1789 г., публикуя документальные и агиографические тексты о Революции. Защищая ее, они стремились сделать вечной республику 1870 г., которая тоже была дочерью 1789 г.: таким образом, эти авторы поистине могут считаться штатными интеллектуалами Третьей республики.

Когда мы освещаем эмигрантскую жизнь этих республиканцев в годы Второй империи, речь идёт не только о том, чтобы показать среду, объединившую интеллектуалов и политических деятелей в 50-е – 60-е гг. XIX в., но и, на более глубоком уровне, показать, как пересекались их в общем-то различные жизненные пути, сливаясь в тигле совместного жизненного опыта и вызывая взаимное соперничество, как там выковывались общие культурные и политические установки республиканцев и интернационалистов, которые будут актуальны в последующие десятилетия.

* * *

Писатель, республиканец и вольнодумец, пользовавшийся известностью в интеллектуальных кругах Июльской монархии, Эдгар Кинэ заведовал кафедрой литературы в Коллеж де Франс, работая бок о бок с Мишле и с польским эмигрантом Адамом

Мицкевичем: спустя полвека Камиль Жюллиан напишет, что это был самый настоящий «демократический триумвират», сменивший собою «буржуазный триумвират Гизо, Вильмена и Кузена»⁶. В 1848 г. он был избран депутатом, в 1849 г. переизбран, а после декрета от 9 января 1852 г., будучи включён в проскрипционный список представителей народа наряду с десятками других знаменитостей, таких как Мартен Надо, Виктор Гюго, Виктор Шёльшер, Ноэль Парфе, Эмиль де Жирарден и Адольф Тьер, он был вынужден покинуть Париж и уехать сначала в Брюссель, а потом в Вейто в Швейцарии.

В число людей, против которых был направлен этот декрет, входил и Жан-Клод Колфаврю. Этот человек, безусловно менее известный чем Кинэ, был активным республиканцем, тяготевшим к социализму. Сын башмачника, ставший в 1845 г. адвокатом в Париже, он зарекомендовал себя защитником членов тайных обществ, и возлагал все надежды на успех Февральской революции 1848 г. Как он сам писал:

«До февраля я был ничем. Когда Революция, в которой я принял участие, призвала меня осуществить мои права гражданина, я вступил в борьбу со всей пылкостью своих убеждений, с полнейшим беспристрастием в отношении позиций, на которых я тогда стоял, и с твёрдым намерением разоблачить и низвергнуть всех узурпаторов народного суверенитета. Социализм, народная реформа стали новой политической религией»⁷.

Редактор радикальной республиканской газеты *Père Duchesne*, затем газеты Прудона *La Voix du Peuple*, он несколько раз оказывался под домашним арестом в Бретани, и провёл какое-то время в тюрьме Сент-Пелажи. В апреле 1850 г. он был избран депутатом от департамента Сона и Луара, занял место в составе Горы и выступил против переворота 2 декабря, став членом немедленно сформированного «Центрального комитета сопротивления». Именно в этом качестве он оказался в проскрипционном списке после переворота Луи-Наполеона Бонапарта. Изгнанный из Франции, он отправился в Лондон, а затем на остров Джерси, где входил в круг друзей Виктора Гюго.

Колфаврю и Кинэ представляют собой примеры людей, игравших важную роль среди республиканцев во время Второй ре-

⁶ *Jullian C.* Extraits des historiens français du XIXe siècle. P., 1897. P. LXIX.

⁷ *Colfavru J.-C.* Deux mots au public. Prétexte et vérité. P., 1851. P. 38.

спублики, людей, представлявших бесспорную опасность с точки зрения властей. Среди тех чья судьба нас занимает, некоторые проделали совсем иной путь: к примеру, Огюсту Диду в момент переворота 2 декабря 1851 г. было всего двенадцать лет. Отпрыск протестантской семьи из Гара, он был воспитан в республиканском духе, и, узнав об уничтожении республики, не мог испытывать ничего, кроме глубочайшего омерзения, о чём он сам выразительно повествует в своих мемуарах:

«2 декабря 1851 г., когда мне было двенадцать лет, я узнал из плакатов, вывешенных на городских стенах, о свершившейся драме государственного переворота. Там было написано, что общество спасено, и что спаситель – Луи Наполеон. Эта новость поразила и возмутила меня. Сын республиканца, я был воспитан в ненависти к диктатуре и диктаторам. Республика была для меня идеалом, объектом поклонения. Поэтому, не обращая внимания на бездельников, которые, столпившись вокруг плакатов, выражали своё реакционное удовлетворение и восторг перед успехом, я вскричал: «Этот государственный переворот – убийство родины». Я оказался пророком. Со 2 декабря 1851 г. бонапартистская Франция устремилась к Седанской катастрофе. Гибель свободы стала предзнаменованием гибели страны. Одна убила другую»⁸.

Огюст Дид находился вдали от политической жизни, и в момент государственного переворота его не тронули. И только в 1855 г. он попал под каток государственных репрессий, пошутив по поводу бюста Наполеона III в присутствии имперского доносчика. В результате этого инцидента юный Огюст Дид оказался в знаменитой парижской тюрьме Маза, а потом отправился в эмиграцию сначала в Ниццу (город, вплоть до Туринского договора 1860 г. принадлежавший Пьемонтско-Сардинскому королевству), а затем в Геную. Закончив богословский факультет Женевского университета, он стал пастором в Страсбуре в 1864 г., защитив неортодоксальную диссертацию на тему «Обращения святого Павла», и быстро приобрёл известность в кругах либеральных протестантов последних лет Второй империи.

Отъезд из Франции не всегда диктовался чисто политической логикой, выбором между жизнью и смертью или страхом репрес-

⁸ *Dide A. Sa vie racontée par lui-même // Bibliothèque de Genève. Département des manuscrits et des archives privées. Papiers Auguste Dide. Carton 2. Liasse I. P. 3-4. Об О. Диде см.: Huard R. Aux sources de la commémoration du Centenaire de 1789. La vocation révolutionnaire du pasteur Auguste Dide // Religion, Révolution, Contre-Révolution dans le Midi : 1789-1799. Nîmes, 1990. P. 197–211.*

сий: на это указывает пример Жюль Барни. Специалист по истории философии, секретарь Жюль Кузена, республиканец и вольнодумец, он отказался принести клятву верности Империи, обязательную для всех государственных служащих. Однако зрелище массового исхода мыслителей из Франции, по-видимому, сподвигло его к большей осмотрительности в профессиональных вопросах. Он, не умеющий делать ничего, кроме преподавания, опасался, что не сможет заработать себе на хлеб за границей, ведь столько французских профессоров уже предлагало свои услуги в Бельгии, Швейцарии и Англии, и предпочёл остаться на французской земле⁹. В конечном счёте он уехал в Швейцарию по медицинским причинам. В 1861 г. Жюль Барни получил приглашение возглавить кафедру всеобщей истории в Женевской академии, которую только что перед этим оставил Эдгар Кинэ: это показывает, что известные французские республиканцы могли располагать немалыми возможностями за границей.

Некоторые элементы жизни эмигрантов были схожими, но немало имелось и различий. Если говорить об общих чертах, то это интеграция всех эмигрантов-республиканцев в среду, которая была французской и в то же время космополитической. Конечно, общение с соотечественниками требовалось, чтобы не терять связей с общим прошлым и общей культурой, но эмигранты, помимо этого, стремились к созданию сетей взаимной помощи и солидарности, имея в виду и общее будущее. Жюль Барни, находясь в Женеве, завязал отношения с французскими эмигрантами, не сумев вписаться в известное своим консерватизмом общество женевских кальвинистов. Колфаврю, оказавшись в Англии, принял активное участие в «Революционной коммуне» вместе с другими французскими эмигрантами-оппозиционерами, такими, как Альфонс Бианки, вместе с тем печатаясь на французском языке в *L'Homme, journal de la démocratie universelle* и выпуская с 1858 по 1860 г. собственный еженедельник *La Ligue. Organe de l'opinion publique et des réformes à Jersey*¹⁰. Эта особенность эмиграции во второй половине XIX в. хорошо известна: такие города, как Лондон или Брюссель, превращались в это время в маленький Париж, населённый знакомыми и внушающими доверие лицами, как это

⁹ Dide A. Jules Barni. Sa vie et ses œuvres. P., 1892. P. 42.

¹⁰ Критические высказывания в этих периодических изданиях привели в 1855 г. к высылке из Великобритании 39 европейских политических эмигрантов. См.: Jones T.C. A “coup d'État” in Jersey ? // *Diasporas*. 2019. № 33. P. 137-157.

уже было за несколько десятилетий до того для бывших членов Конвента¹¹. Ипполит Карно, на два месяца бежавший в Бельгию после государственного переворота, рассказывал, что часто посещал там Виктора Гюго и встречал в одном и том же кафе Эдгара Кинэ, Этьена Араго, Александра Дюма и Виктора Шельшера¹². Можно представить себе, до какой степени подобные места могли успокаивать эмигрантов, и насколько они могли быть для них притягательны. Эти круги политической и литературной элиты заключали в себе легитимность и авторитет: чтобы «представлять из себя что-нибудь» в эмиграции, нужно было «быть там».

Но несмотря на этот поиск знакомых точек опоры, жизнь эмигрантов разворачивалась в космополитическом окружении. Вышеупомянутые города были местом встречи изгнанников: здесь встречались французские республиканцы, итальянские, польские и венгерские патриоты, русские и испанские либералы, немецкие социалисты. Приведём свидетельство Огюста Дида, вспоминавшего в 1910 г. некоторые из встреч с знаменитыми представителями итальянского Рисорджименто:

«Я имел честь, в те далёкие и слишком мимолётные часы, встретить этих трех замечательных людей. Я посетил Манина в Париже, в его бедном жилище на улице Бланш, где он, изгнанник, зарабатывал себе на пропитание уроками итальянского языка; в Ницце, тогда ещё итальянской, я принял участие в банкете, оказавшемся для меня пагубным, потому что после него, благодаря приказу французского правительства, я был удостоен несколько обременительной чести быть изгнанным с пьемонтской территории; в Генуе, в отнюдь не отличавшейся элегантностью редакции *Italia del Popolo*, я видел заговорщика Мадзини, и беседа с этим возвышенным смутьяном произвела на меня незабываемое впечатление»¹³.

Несмотря на эти общие черты, жизнь в эмиграции имела ряд существенных отличий в зависимости от своей длительности и от материальных условий существования различных эмигрантов. Конечно же отъезд из Франции был очень разным опытом для тех, кто провел вдали от родины десять–двадцать лет, подобно Эдгару Кинэ, и, например, для Ипполита Карно, прожившего два месяца

¹¹ Luzzatto S. Mémoire de la Terreur, vieux Montagnards et jeunes Républicains au XIXe siècle. Lyon, 1991.

¹² Dalisson R. Hippolyte Carnot, 1801-1888. La liberté, l'école et la République. P., 2011. P. 247.

¹³ Dide A. Les causeries de Philinte. P., 1910. P. 339.

в Бельгии, или Адольфа Тьера, которому после восьми месяцев изгнания французское правительство позволило возобновить во Франции издание двадцатитомной «Истории Консульства и Империи» (1845–1862). Финансовое положение эмигрантов тоже серьёзно различалось: одни получали ренту, а другие были вынуждены зарабатывать себе на хлеб преподаванием или написанием статей. Это различие, к примеру, привело к дистанцированию между Виктором Гюго и Жан-Клодом Колфаврю: в 1853 г., когда многие республиканцы заявили, что надолго останутся в эмиграции, потому что такова их моральная позиция символического сопротивления империи¹⁴, Колфаврю взорвался от негодования и поссорился с рядом соотечественников, находившихся в более благоприятном финансовом положении, сделав провокационное заявление:

«Есть партия, которая выступает и будет выступать против возвращения. Это партия богачей и буржуа. Им есть на что жить, им легко оставаться вдали от Франции. А ещё есть другая партия, состоящая из бедных, из несчастных; они за возвращение во Францию, потому что у них нет хлеба. Ну что ж, чтобы всех примирить, пусть буржуа возьмут бедняков на своё содержание»¹⁵.

Но даже если речь идёт о самых везучих, о представителях литературного мира, не следует, исходя из этих противоречий, рисовать блестящую картину жизни в эмиграции¹⁶. Как бы ни выглядели картины эмигрантского быта в интерпретациях и романтических реконструкциях, сделанных впоследствии, статус эмигранта был в высшей степени незавидным. Многие французы, которые предпочли бы поселиться в соседней франкоязычной стране, такой как Бельгия или Швейцария, были вынуждены отправиться в Великобританию, которая отличалась тем, что никого не выдавала Французской империи. Но это заставляло их учить английский язык, с которым тогдашние французы были хуже знакомы, чем с немецким, и интегрироваться в более далёкое общество. Каким бы

¹⁴ Именно такова была позиция Эдгара Кинэ, который многократно отказывался вернуться из изгнания, даже когда в 1864 г. ему была направлена петиция, подписанная такими знаменитыми республиканцами, как Ипполит Карно, Анри Мартен, Гарнье-Пажес, Мишле, Эжен Пеллетан, Жюль Симон и Этьен Араго.

¹⁵ *Strugnell A.* Contribution à l'étude du républicanisme de Victor Hugo : lettres inédites et oubliées à Jean-Claude Colfavru et autres // *Revue d'Histoire littéraire de la France*. 1978. Т. 78. № 5. P. 805.

¹⁶ *Aprile S.* Exil et exilés français sous le Second Empire // *Hommes et Migrations*. 2005. № 1253. P. 88-97.

ни был пункт назначения, жившие за границей французы оказывались вынуждены стать переводчиками, преподавателями или журналистами; при этом они жили под угрозой официальной высылки и в постоянном страхе перед шпионами Империи. Гермiona Кинэ, вторая жена историка, которая последовала за ним в его скитаниях от Брюсселя до Вейто, так описала страдания эмигрантов:

«Изгнание – ужасная кара, истинная гражданская смерть, наказание для предателей; оно стало бы прекрасной заменой смертной казни. Изгнание изглаживает изгнанного из памяти соотечественников, из сердец родных; изгнание парализует творческие способности у большинства людей, рушит любую карьеру»¹⁷.

Заметим, что положение их коллег, оставшихся во Франции в силу профессиональных соображений или политического выбора, не всегда было лучше. Хорошо известен пример Жюля Мишле, который из-за государственного переворота потерял место в Коллеж де Франс и в историческом отделе Национального архива. Корреспонденты изгнанника Кинэ тоже пишут о своих страхах, о моральном и политическом угнетении. Некоторые, как публицист-республиканец Шарль-Луи Шассен, автор произведения «Гений Французской революции», вышедшего в 1863 г.¹⁸, чуть ли не готовы были предпочесть изгнание политическому унижению, уничтожению Империей всех воспоминаний о революциях 1789 и 1848 гг., о чём свидетельствует письмо, написанное после 14 июля 1859 г.:

«Вы жалуетесь на своё изгнание. Вы жестоко страдаете в чудесном обществе, которое вам так дорого. Но, по крайней мере, ваше изгнание – само по себе постоянный протест против того, что делается в нашей стране, против того, что может делаться при нашем участии! Если вы умрете в настоящем, вы хотя бы навсегда будете жить в будущем. Но мы, живущие здесь – в этом великом и гнусном Париже – мы, которые должны склонять голову под небом Свободы, которые должны краснеть, проходя по площади Бастилии или саду Тюильри, чего только нам не приходится переносить. Да, в глубине души я завидую вашему изгнанию. Быть изгнанником с родины – это всё же легче, чем быть изгнанником на родине»¹⁹.

¹⁷ *Quinet H. Mémoires d'exil. P., 1869. P. 8.*

¹⁸ *Chassin C.-L. Le génie de la Révolution. P., 1863.*

¹⁹ *Lettre de Charles-Louis Chassin à Edgar Quinet, 15 juillet 1859. Цит. по: Monin H. Deux historiens : Edgar Quinet et Charles-Louis Chassin // Revue historique de la Révolution française. 1910. T. 1. № 2. P. 205.*

Как эти эмигранты-республиканцы видели текущее положение дел и как они вписывали его в историю Франции? В целом нельзя не отметить, что эти два вопроса были неразрывно связаны. Общий порыв заключался в том, чтобы обратиться к истории Французской революции и Первой империи, в чём нет ничего удивительного – ведь речь о людях, посвятивших себя делу республики, ставших свидетелями и жертвами новой агонии республики и нового восстановления империи. Колфаврю, находясь на острове Джерси, распространял среди франкоязычной аудитории республиканскую, революционную и вольнодумную пропаганду, вслед за Мирабо утверждая: «Нужно дехристианизировать революцию. Христианство было смыслом существования власти: дехристианизировать революцию означает взять в качестве оружия и поднять на знамя противоположность власти – свободу»²⁰.

Жюль Барни опубликовал во Франции труд, посвящённый рассуждениям Фихте о Французской революции, тем самым продемонстрировав благосклонный взгляд европейских литературных элит на революционные события, а также связь между революцией и философией Канта и Фихте²¹. Позднее он начал читать в Женевской академии курс «История моральных и политических идей во Франции XVIII в.». Его лекции, выдержанные в республиканском духе, проникнутые симпатией к Просвещению и свободомыслию, вызывали шумные протесты со стороны консервативно настроенных швейцарских студентов – протесты, перераставшие в драки с либеральными студентами на соседних улицах. В 1863 г. Жюль Барни продолжал восхвалять 1789 г., добавляя к нему критику Наполеона, которого он описывал как могильщика революции. Прочтя Адольфа Тьера, – с его точки зрения, слишком благосклонного по отношению к Первой империи, а значит, и ко Второй, рядившейся в её одежды, чтобы воспользоваться легитимностью имперского наследия, – Барни выступил против него:

«Чудовище, с которым я хотел сразиться, то есть, я хочу сказать, наполеоновская легенда – оно по-прежнему перед нами, оно по-прежнему пожирает историческую правду и нравственность (не говоря об остальном); и так называемая философия истории, которая увековечивает эту легенду, превращая Цезарей в великих людей,

²⁰ *L'Homme*. 4 janvier 1854. P. 3. Цит. по: *Tchernoff I. Le parti républicain au coup d'État et sous le Second Empire*. P., 1906. P. 130.

²¹ *Fichte J. G. Considérations destinées à rectifier les jugements du public sur la Révolution française*. P., 1858.

ниспосланных Провидением, а государственных злодеев в спасителей народа, эта отвратительная философия истории в настоящий час больше торжествует, чем когда-либо. <...>

Если я избрал в первую очередь объектом своей критики “Историю Консульства и Империи” г-на Тьера, то лишь потому, что это произведение показалось мне самым значительным и самым опасным памятником той великой ошибке, с которой я боролся. <...> Я напал на историка лишь для того, чтобы поразить его героя; удары, нанесённые мною его труду, имели целью лишь уничтожить тот идол, для которого сей труд служит пьедесталом»²².

Однако самым ярким произведением в историографии этих лет, посвящённой революции, стала «Революция» Эдгара Кинэ, вышедшая в 1865 г. Это был труд человека, близкого революции, заставшего одного из последних остававшихся в живых революционеров: в юности историк общался с бывшим монтаньяром Марком-Антуаном Бодо, который каждый день приходил в гости в семью Кинэ²³. Несмотря на сопротивление наследников Бодо, его мемуары в конечном счёте достались именно Кинэ, и историк счёл их настолько важными, что на некоторое время отложил публикацию «Революции», чтобы у него было время включить туда несколько отрывков из этих мемуаров²⁴. Впрочем, если не говорить об этих материалах, труд Кинэ был ценен не столько с документальной точки зрения, сколько предложенной в нём трактовкой революции. Этот определенно новаторский труд рассматривал революцию как историю неудачи: революция не сумела освободиться от абсолютизма, от абсолютной власти, старого наследия католической религии. Террор, в котором не было никакой нужды, представал в этой либеральной трактовке не средством, помогавшим общественному благу, но проявлением того состояния душ, которое накопилось на протяжении веков, прямым наследием того Старого порядка, от которого революция, по мнению Кинэ, так и не смогла освободиться:

«Так, Террор был губительным наследием истории Франции. Оружие прошлого взяли, чтобы защищать настоящее. Железные клетки и Тристаны-отшельники Людовика XI, эшафоты Ришелье, массовые проскрипции Людовика XIV – вот арсенал, из которого черпала Ре-

²² *Barni J.* Napoléon et son historien M. Thiers. Genève, 1865. P. VII-VIII.

²³ *Quinet E.* Œuvres complètes. Histoire de mes idées : Autobiographie. P., 1905. P. 67.

²⁴ *Quinet H.* Edgar Quinet depuis l'exil. P., 1889. P. 264-266.

волюция. Пойдя путём Террора, новые люди сразу же, сами того не понимая, стали прежними людьми»²⁵.

Этот процесс против Революции возбудил сын этой самой Революции, удручённый тем, что она заблудилась на своём пути к свободе²⁶. В то же самое время, доведя свою историю до неизбежного 18 брюмера и показав, что принципы Террора проистекали из тех же механизмов и того же исторического бессознательного, что и императорская власть, Кинэ смог дать в руки оружие силам, оппозиционным Второй империи, сплотившимся против цезаризма. Именно так и было в 1865 г. воспринято его произведение. Реакционная и ультрамонтанская пресса заявляла: «“Революция” Эдгара Кинэ – обвинительный акт против империи; он заключает, что если Франция хочет быть свободной, она должна свергнуть империю», а писатели-республиканцы, такие, как Антонен Пруст, выражали ему своё восхищение: «Вы только что завершили самое значительное политическое произведение нашего времени, вновь связав воедино нить национальной традиции, разрубленную государственным переворотом, и восстановив партию свободы. Эта партия, вчера разрозненная, сегодня объединилась вокруг представления о справедливости, которую вы ей даровали»²⁷.

Эти авторы, находясь в эмиграции, не ограничивались тем, что предлагали возвышенный взгляд на революционный и имперский опыт Франции: столицы республиканской эмиграции были в то же время и центрами издательской деятельности и распространения подрывных текстов²⁸. Хотя у Кинэ уже не было профессорской трибуны, ему всё равно помогали сети его бывших студентов, занимавшиеся распространением его идей²⁹. Труд Жюль Барни «Наполеон и его историк г-н Тьер» был опубликован в Женеве и немедленно запрещён во Франции, куда он после этого проник только подпольно. Шарль-Луи Шассен был арестован в 1861 г. на обратном пути из Женевы, где он встречался со своими товарищами-республиканцами, по обвинению во ввозе во Францию

²⁵ Quinet E. Œuvres complètes. La Révolution précédée de la Critique de la Révolution. T. 2. P., 1909 [1865]. P. 414.

²⁶ Furet F. La gauche et la Révolution au milieu du XIXe siècle. Edgar Quinet et la question du jacobinisme, 1865-1870. P., 1986.

²⁷ Quinet H. Edgar Quinet depuis l'exil. P., 1889. P. 285, 295.

²⁸ Aprile S. Faire vivre la République. Paroles et écrits des exilés au lendemain du coup d'État // Comment meurt une République : Autour du 2 décembre. P., 2004. P. 51-62.

²⁹ Lévêque L. Banni soit qui mal y pense : l'histoire en exil. Le cas Quinet // Babel. 2014. № 29. P. 289-314.

серии брошюр, которые могли нанести ущерб образу имперского режима³⁰. В то же самое время Жан-Клод Колфаврю вёл из своего изгнания на острове Джерси решительную борьбу против Второй империи. При помощи Революционной коммуны он старался ввезти во Францию подрывную литературу, печатавшуюся за её границами – например, памфлет «Империя, голод и стыд», написанный в соавторстве с Эженом Алавуаном и Франсуа Вальером. Кроме того, Колфаврю вдохновлялся опытом Французской революции, отстаивая эгалитарные и либеральные реформы системы правосудия, от снижения стоимости процедур и до «избрания судей всех уровней и участия суда присяжных во всех делах»³¹; эту битву ему предстояло продолжить и на протяжении первых десятилетий Третьей республики³².

* * *

Нужно со всей ясностью осознавать вовлечённость этих людей в политическую деятельность, чтобы найти объяснение той энергии, с которой в 70-е – 80-е гг. XIX в. республиканцы проповедовали ненависть к Империи и любовь к Революции. В декаду столетнего юбилея Революции Огюст Дид и Жан-Клод Колфаврю, став представителями народа и взяв на себя роль миссионеров Революции, ездили по Франции, чтобы распространить в ней – в частности, от лица Лиги народного образования – идеи равенства перед законом, отделения церкви от государства, реформы правосудия – опираясь при этом на знаменитые примеры философов эпохи Просвещения, Мирабо и Дантона. По этой же причине в 1881 г. первый номер «Французской революции», считавшийся свидетельством рождения научной и при этом республиканской историографии революции, открывался публикацией Жана-Клода Колфаврю, посвящённой 18 брюмера и судебной власти при Революции, неизданной статьёй Жюля Барни, посвящённой Мирабо, и текстом Ипполита Карно, воспевающим принципы 1789 г.

Но борьба этих высокообразованных деятелей против Второй империи имела и другие последствия. Среди республиканцев 80-х – 90-х гг. XIX в. она сформировала ряд взглядов – в первую очередь отвращение к бонапартизму и сопротивление буланжистскому дви-

³⁰ *Monin H.* Deux historiens : Edgar Quinet et Charles-Louis Chassin // *Revue historique de la Révolution française*. 1911. Т. 2. № 1. P. 78-80.

³¹ *Charavay É.* Jean-Claude Colfavru // *La Révolution française*. 1891. Т. 20. № 6. P. 489.

³² См., в частности: *Colfavru J.-C.* De l'organisation du pouvoir judiciaire sous le régime de la souveraineté nationale et de la république. P., 1882.

жению, в котором важнейшую роль играла память о 2 декабря³³. В более крупном масштабе эти политические и интеллектуальные движения, происходившие за пределами Франции, заложили основы Интернационала. Тяготевшие к социализму республиканцы Революционной коммуны были в числе первых французских представителей Интернационала в Лондоне³⁴. Связи, сложившиеся в 50-е – 60-е гг. XIX в., придали решающий импульс созданию этих транснациональных сетей политических активистов. Добавим, наконец, что именно по инициативе Жюля Барни с 1867 г. прошёл ряд международных конгрессов за мир, в которых участвовали такие знаменитости, как Гюго, Гарибальди и Бакунин, и где в унисон прозвучало требование отмены постоянных армий³⁵. В наши времена, когда вопросы эмиграции, международной солидарности, контроля за высказываниями и за информацией приобрели драматическую актуальность, опыт эмигрантов Второй империи напоминает о способности оппозиционеров устанавливать трансграничные связи и вести подрывную деятельность, в долгосрочной перспективе имеющую важное политическое значение.

Перевел с французского языка А.Ю. Терещенко

REFERENCES

- Aprile S.* Faire vivre la République. Paroles et écrits des exilés au lendemain du coup d'État // Comment meurt une République : Autour du 2 décembre / Sous la dir. de S. Aprile, N. Bayon, L. Clavier, L. Hincker, J.-L. Mayaud. Paris, 2004. P. 51–62.
- Aprile S.* Exil et exilés français sous le Second Empire // Hommes et Migrations. 2005. № 1253. P. 88–97.
- Aprile S.* Le siècle des exilés : bannis et proscrits de 1789 à la Commune. Paris, 2010.
- Bachelard G.* La poétique de l'espace. Paris, 1957.
- Barni J.* Napoléon et son historien M. Thiers. Genève, 1865.
- Bonnefoy Y.* L'Arrière-pays. Paris, 2003 [1re éd. – 1972].
- Charavay É.* Jean-Claude Colfavru // La Révolution française. 1891. T. 20. № 6. P. 481–493.

³³ *Charle C.* Le souvenir du deux-décembre. Les étudiants et le boulangisme // La France démocratique. P., 1998. P. 277-285.

³⁴ *Gossez R.* La proscription et les origines de l'Internationale // 1848. Revue des révolutions contemporaines. 1951. № 189. P. 97-115.

³⁵ *Quillet R.* L'internationalisme républicain (1852-1870) // Parlements. Revue d'histoire politique. 2008. № 4. P. 131-144.

- Charle C.* La France démocratique. Paris, 1998.
- Chassin C.-L.* Le génie de la Révolution. Paris, 1863.
- Colfavru J.-C.* Deux mots au public. Prétexte et vérité. Paris, 1851.
- Colfavru J.-C.* De l'organisation du pouvoir judiciaire sous le régime de la souveraineté nationale et de la république. Paris, 1882.
- Dalisson R.* Hippolyte Carnot, 1801-1888. La liberté, l'école et la République. Paris, 2011.
- Banished: Traveling the Roads of Exile in Nineteenth-Century Europe / Ed. D. Diaz, S. Aprile. Berlin, 2022.
- Dide A.* Jules Barni. Sa vie et ses œuvres. Paris, 1892.
- Dide A.* Les causeries de Philinte. Paris, 1910.
- Fichte J. G.* Considérations destinées à rectifier les jugements du public sur la Révolution française. Traduit de l'allemand et présenté par J. Barni. Paris, 1858.
- Exiles from European Revolutions: Refugees in Mid-Victorian England / Ed. S. Freitag. New York, 2003.
- Furet F.* La gauche et la Révolution au milieu du XIXe siècle. Edgar Quinet et la question du jacobinisme, 1865–1870. Paris, 1986.
- Gossez R.* La proscription et les origines de l'Internationale // 1848. Revue des révolutions contemporaines. 1951. № 189. P. 97–115.
- Haupt G.* Rôle de l'exil dans la diffusion de l'image de l'intelligentsia révolutionnaire // Cahiers du monde russe et soviétique. 1978. T. 19. № 3. P. 235–249.
- Hazareesingh S.* From Subject to Citizen: The Second Empire and the Emergence of Modern French Democracy. Princeton, 1998.
- Houte A.-D.* « Tu ne bouges pas, vieux Jacques ». Comprendre l'échec des résistances parisiennes au coup d'État de 1851 // Paris, l'insurrection capitale / Sous la dir. de J.-C. Caron. Seyssel : Champ Vallon, 2015. P. 213–226.
- Huard R.* Aux sources de la commémoration du Centenaire de 1789. La vocation révolutionnaire du pasteur Auguste Dide // Religion, Révolution, Contre-Révolution dans le Midi : 1789-1799 / Sous la dir. de A.-M. Duport. Nîmes, 1990. P. 197–211.
- Isabella M.* Risorgimento in Exile: Italian Émigrés and the Liberal International in the Post-Napoleonic Era. Oxford, 2009.
- Jones T.C.* A “coup d'État” in Jersey ? // Diasporas. 2019. № 33. P. 137–157.
- Jullian C.* Extraits des historiens français du XIXe siècle. Paris, 1897.
- Lévêque L.* Banni soit qui mal y pense : l'histoire en exil. Le cas Quinet // Babel. 2014. № 29. P. 289–314.

- Luzzatto S.* Mémoire de la Terreur, vieux Montagnards et jeunes Républicains au XIXe siècle. Lyon, 1991.
- Monin H.* Deux historiens : Edgar Quinet et Charles-Louis Chassin // Revue historique de la Révolution française. 1910. Т. 1. № 2. P. 199–218.
- Monin H.* Deux historiens : Edgar Quinet et Charles-Louis Chassin // Revue historique de la Révolution française. 1911. Т. 2. № 1. P. 76–89.
- Nord P.* The Republican Moment: Struggles for Democracy in Nineteenth-Century France. Cambridge (Mass.), 1995.
- Quillet R.* L'internationalisme républicain (1852-1870) // Parlements. Revue d'histoire politique. 2008. № 4. P. 131–144.
- Quinet E.* Œuvres complètes. Histoire de mes idées : Autobiographie. Paris, 1905.
- Quinet E.* Œuvres complètes. La Révolution précédée de la Critique de la Révolution. Paris, Hachette, 1909 [1865].
- Quinet H.* Edgar Quinet depuis l'exil. Paris, 1889.
- Quinet H.* Mémoires d'exil. Paris, 1869.
- Strugnell A.* Contribution à l'étude du républicanisme de Victor Hugo : lettres inédites et oubliées à Jean-Claude Colfavru et autres // Revue d'Histoire littéraire de la France. 1978. Т. 78. № 5. P. 796–809.
- Tchernoff I.* Le parti républicain au coup d'État et sous le Second Empire. Paris, 1906.

Лансеро Гийом

доктор истории,
ассоциированный сотрудник,
Высшая школа социальных
исследований,
Франция, 75006 Париж, б-р Распай, 54,
стажер Европейского
университетского института,
Виа Роччетини 9,
Сан-Доменико ди Фьесола,
I-50014 Италия
e-mail: guillaume.lancereau@gmail.com

Guillaume Lancereau

PhD (History), attached member
École des hautes études
en sciences sociales
54 Bd Raspail, 75006 Paris, France;
Max Weber Fellow,
European University Institute,
Badia Fiesolana – Via dei Roccettini 9,
I-50014 San Domenico di Fiesole, Italy
e-mail: guillaume.lancereau@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5069-8759
Scopus ID: 57226898142